

Юнона Белова

A man in a dark suit and tie leans over a woman sitting at a desk. The woman is wearing a black spaghetti-strap dress and is looking up at the man. She is holding a pen over a document on the desk. The man is looking down at the document. In the background, there is a large window showing a cityscape with a prominent church spire. A bookshelf with a crest is visible on the right.

РАБЫНЯ
ПО КОНТРАКТУ
ДЛЯ СЫНА РЕКТОРА

Юнона Белова

**Рабыня по контракту
для сына ректора**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Рабыня по контракту для сына ректора / Ю. Белова — «Автор»,
2026

Я всего лишь пролила кофе на чертёж самого влиятельного парня колледжа. Максим Волков — сын ректора, богатый красавец, привыкший получать всё по первому требованию. Теперь он требует меня. Контракт на круглосуточное подчинение. Унижения перед одноклассниками. Угрозы лишить моего больного брата помощи. Я ненавижу Максима. Но почему иногда он защищает меня от тех, кто ещё опаснее его самого? За стенами элитного колледжа скрывается система, в которой человеческие судьбы продаются за деньги, а любовь становится оружием. Я должна разрушить его золотую клетку, пока она не уничтожила меня. Но что, если тот, кого я ненавижу сильнее всех, сам мечтает из неё сбежать?

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юнона Белова

Рабыня по контракту для сына ректора

Глава 1

Порошок «Ушастый нянь» перебивал запах дерматина. Лямки после стирки я так и не смогла нормально высушить — примеряла к батарее, потом положила на стул. Теперь они холодили куртку у плеч. Новый рюкзак мы с мамой не потянули бы. Кеды я вчера тоже подремонтировала: полоску скотча на подошве видно, только если поднять ногу. Здесь лучше ноги не поднимать.

Сегодня мне требовалось добраться до аудитории №304 прежде, чем начнётся тест по композиции. Занять заднюю парту, выложить тетрадь и сделать вид, что я ничем не отличаюсь от остальных. С едой это было сложнее: в рюкзаке лежала вчерашняя булочка, завернутая в фольгу. Здесь обед приносили в коробочках, которые я могла бы покупать только вместе с содержимым, и то по праздникам. Ладно, до перемены потерплю.

В стеклянной стене коридора отражалась моя куртка. Рядом мелькали светлые пиджаки, чужие телефоны, сумочки на локтях. Я втиснулась между стеной и толпой, но чей-то рюкзак снова толкнул меня под ребро. Впереди двое парней разговаривали, оставив щель между собой. Пока они не сошлись, я боком протиснулась туда, прижимая собственный рюкзак к животу. Кед зацепился подошвой за плитку. Только бы скотч сейчас не остался на полу.

У двери меня ждала Полина Снегирева. То есть ждала она, вероятно, кого-нибудь более интересного, но проход заняла весь. Расставила ноги, даже не собираясь посторониться. На её светлом пальто не было ни пылинки; свой рукав я незаметно отёрла о бок. Полина проследила за движением и прищурилась. Значит, зря. Лучше бы держала руки в карманах.

— Ой, — протянула она, её голос был сладким, как испорченный мед. — Пахнет общезнанием. Знаете, я всегда думала, что стиральный порошок из советских времен имеет специфический аромат отчаяния. Вы его используете для дезинфекции или для маскировки запаха?

Большой палец угодил в дырочку подкладки. Я потянула за неё, чтобы не потянуться к Полининому безупречному воротнику. Скажу хоть слово — она получит слушателей, а я опоздаю на тест. Можно было переждать эту шутку. Потом следующую. Вот только смешно ей было уже сейчас, и молчание почему-то требовалось от меня.

Я сделала шаг к двери. Полина качнулась мне навстречу и ударила плечом. В открытый проём я влетела боком; склеенные кеды поехали по полу. Она даже руку не подняла. Попробуй потом объясни, что тебя толкнули, когда со стороны ты сама словно бросилась в аудиторию.

Удержаться удалось за край преподавательского стола. Вцепившись в него, я дёрнулась вперёд и лишь тогда увидела раскрытый ватман. Формат А0, линия к линии, пресс-папье у верхнего края — чья-то работа была разложена на весь стол. Оставить ладонь на ней нельзя. Я попыталась перенести вес на локоть. Рядом с ним стоял стакан кофе, слишком близко к краю.

Локоть ударил стакан. Крышка отскочила, и кофе плеснул на середину чертежа. Я ухватила пластик, но стакан вывернулся из пальцев: спасти уже удалось только его, пустой. На бумаге расплывался тёмный круг. Тонкие линии фасада в нём перестали различаться. Я смотрела, как пятно ползёт к соседнему узлу, и всё ещё пыталась подставить ладонь, будто это могло помочь.

За спиной перестали разговаривать. Капля упала со стола мне на кед. Ещё одна — на пол. Никто не подал салфетку.

В дверях появился Максим Волков. Я узнала его сразу: староста, сын ректора, фотография на сайте колледжа рядом с победившим проектом. Он остановился у стола, посмотрел на

чертёж и только потом на меня. Мне бы легче было, если бы он заорал. А он аккуратно отодвинул от пятна пресс-папье. Совершенно спокойный. У меня же пальцы не слушались даже настолько, чтобы положить этот проклятый стакан.

Я выхватила из кармана салфетки и прижала к пятну. — Простите! Боже, простите! Я... я сейчас исправлю, я могу... Промокшая салфетка прилипла к листу. Отдёрнула — и потянула за собой чернила. Попробовала другую. Снова хуже. Максим стоял рядом, а у меня больше не было ни сухого угла, ни разумного слова, которым можно было объяснить, что я пытаюсь помочь.

Максим стоял достаточно близко, чтобы забрать салфетки, но не забрал. Провёл пальцем по влажному краю листа и поднял на меня серые глаза. Я поспешила отступить на шаг. Хотелось вернуть ему сухой чертёж. Хотя бы минуту, когда я ещё стояла в коридоре.

— Кто посмел коснуться моей работы? — спросил он тихо. Я едва не показала ему пустой стакан вместо ответа.

Полина, воспользовавшись моментом, хихикнула и указала на меня пальцем с острым розовым ногтем: — Эта бюджетница. Она же тут новая. Дикая. Не знает правил гигиены.

Салфетки я оставила на столе. Вытерла ладони о куртку и повернулась к нему — говорить в согнутом положении больше не могла. — Это была случайность, — сказала я. — Я не вор. И не грязь. Я просто... не удержалась.

Максим взглянул на пятно, потом на мои ладони. От его улыбки стало ясно: оценивать он сейчас будет не бумагу. — Слова ничего не стоят, когда ты разрушила чужую мечту, — сказал он. — А этот проект... он стоит больше, чем твоя жизнь, Алина Ветрова.

Я не называла ему фамилию. Только подумала спросить, откуда знает, как преподаватель поднялся из-за стола. — Максим, давайте напишем объяснительную...

— Замолчи. Преподаватель открыл рот и снова закрыл. Максим даже не посмотрел в его сторону, уже доставал телефон. Повернул экран ко мне, удерживая большим пальцем край. Мне пришлось наклониться, чтобы прочесть.

Первым был снимок Димы после прошлогодней операции. Сейчас он учился, впереди оставалась новая госпитализация. Вторым — мама на складе, уснувшая в рабочей форме. Я знала, кто мог снять её, и всё равно не понимала, почему фотография здесь. Ниже шли счета из клиники. Ради них мы отложили плату за комнату; хозяйка уже грозила выселением. — Откуда у тебя это? Я прижала ладонь ко рту. Его телефон хотелось перевернуть, закрыть, как мамино одеяло. Такие снимки чужим не показывают.

— В этом колледже нет секретов, — ответил Максим, убирая телефон. — Есть только долги. И теперь ты должна мне. Не деньгами. Деньги — это скучно. Деньги можно украсть или заработать. Ты будешь должна мне собой.

На планшете открылся контракт личного ассистента. Я прочла первую страницу, потом вернулась к началу: не могла поверить, что правильно поняла. Доступность круглые сутки. Любые поручения. Общение со студентами — с его письменного разрешения. Дальше он присваивал себе право решать, что я надену, как буду учиться и с кем дружить. Даже на рабочей владельческой плантации, наверное, не требовали согласовывать переписку. Внизу светилась кнопка «Подписать».

— Если откажешься, — добавил Максим, наклоняясь ближе, так что я почувствовала запах его дорогого одеколона и холодного дыхания, — эти фото отправятся ректору. Но не как жалоба. А как доказательство того, что ты шпионишь для конкурентов нашей семьи, передавая данные о закрытых проектах. Тебя отчислят. Стипендия аннулируется. Брата переведут в государственную больницу с очередями на полгода. А мама потеряет работу, потому что начнется проверка её работодателя из-за твоих связей. Выбор за тобой, Золотая девочка.

Он снова подвинул стилус к моим пальцам. Я могла столкнуть его на пол. Послать Максима следом — тоже могла, язык был ещё мой. Но на телефоне только что стояло лицо Димы. Я

помнила, как мама после той операции пересчитывала деньги в больничном коридоре: делила купюры на три стопки, потом две. За моё красивое «нет» опять придётся платить им.

Остальной текст слился в строчки. Я перечитала только пункт про доступность: двадцать четыре часа. Ночью, утром, на выходных. Когда работать ради Димы, если работать теперь придётся здесь?

Стилус оказался легче обычной ручки. Я положила запястье на край планшета, чтобы не водить по экрану всей рукой. Фамилия получилась с кривой последней буквой. Вторая попытка не предлагалась: кнопка сменилась надписью о сохранении.

Максим свернул контракт, и под ним открылась папка «Архив». Фамилии студентов. Фотографии. «Переписка», «Счета». Я успела увидеть несколько названий, прежде чем он прикрыл экран. Так вот куда попаду и я. Отдельная папка, аккуратная подпись. Кофе был всего лишь поводом; больничные снимки нельзя было раздобыть за те минуты, что он стоял у стола.

Салфетки ещё лежали возле пятна. Я оставила стилус рядом и потёрла пальцы: липли от кофе. Максим забрал планшет. На чертёж больше не смотрел, смотрел на меня. — Добро пожаловать в клетку, Золотая девочка.

За окнами уже темнело. Максим кивнул на дверь: теперь мне предстояло идти за ним.

Глава 2

В его кабинете меня ждал бумажный экземпляр контракта. Электронной подписи Максиму оказалось мало.

Я не взяла ручку.

Золотое перо ручки было направлено прямо на меня. Я спрятала под стол пальцы, которые всё ещё сводило, и посмотрела на чистый лист рядом. Новый экземпляр, новые подписи. Максим не оставлял мне даже испорченного чертежа, чтобы отсрочить разговор под предлогом уборки. В кабинете пахло кондиционером и мебельной полиролью; я вдруг заметила, насколько громко здесь сглатываю.

— Этот документ незаконен, — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но я сглотнула ком в горле и продолжила тверже: — Никакая печать не даст тебе права запереть меня и решать, с кем мне разговаривать. Ты можешь угрожать мне сколько угодно, Максим, но юридически ты пустое место. Я не собираюсь подписывать контракт раба по твоим личным капризам.

Он откинулся в кресле и положил ногу на ногу. Молчание затянулось. Я уже открыла рот, чтобы повторить, но Максим едва заметно улыбнулся: услышал с первого раза, просто не счёл нужным отвечать. Я закрыла рот. Злилась теперь и на него, и на себя — за то, что ждала разрешения продолжить.

Ящик выдвинулся почти бесшумно. Максим достал печать с гербом колледжа и красную штамповую подушку. Поставил рядом с контрактом, повернул герб ко мне. Вещи из деканата на его личном столе. Показывал, что жаловаться мне придётся тем, у кого он эту печать взял.

— Никакая печать? — переспросил он мягко. — Алина, детка, мы находимся внутри периметра частной собственности ректора Волкова. Здесь нет места государственному закону. Есть только устав университета.

На листе уже стояла моя фамилия. Максим прижал к бумаге печать, и под ней остался красный герб. Я следила за ним, пока он подписывался рядом. Уверенный нажим, ни одной остановки. Мою строку он оставил пустой и развернул лист. Так близко, что нижний край коснулся моего запястья.

— Вот тебе и законность, — сказал он, придвигая лист ко мне. — Для меня закон — это то, что я скажу. А для тебя... реальность. Подпиши. Или я звоню в деканат и сообщаю, что студентка Ветрова пыталась шантажировать старосту курса фальшивыми документами. На твоего брата Диму тоже можно написать заявление. Помнишь его стипендию? Придётся доказывать, что он получил её честно.

Брат даже не знал, что я здесь. Я представила, как ему предлагают отвечать за какую-то стипендию, и проверила взглядом дверь. Выйти, позвонить ему. Только выйти.

— У меня есть запись нашего разговора. Я сказала это и сразу пожалела: телефон был на краю стола. Максим мог дотянуться раньше меня. Я попробовала сделать шаг к нему, но он уже поднимал мой смартфон.

— Запись? Он провёл пальцем по ещё светящемуся экрану и развернул его ко мне. Своей рукой я бы давно заблокировала телефон. На его это почему-то не действовало.

На дисплее висело облачное хранилище. Папка «Загрузки». Пустая.

— Мы взломали твой аккаунт три минуты назад, пока ты пила свой отвратительный растворимый кофе в коридоре, — произнес он буднично. — Все файлы удалены. Кэш очищен. Если ты побежишь в полицию, они увидят только переписку, где ты сама просишь у меня денег за «услуги». Фотожабы, Алина. Их очень легко сделать. Выбор прост: полиция или Дима.

Я повернулась к двери. За ней никто не ходил — или просто не было слышно. Хоть бы кто-то постучал. Я попробовала вдохнуть глубже, но рубашка словно стала тесной у горла. Отведённый в сторону взгляд Максим тоже заметил.

— Мне плохо. Я придержалась за стол и посмотрела к двери. Если закричать, услышат? По ту сторону могла оказаться та же охрана, но хоть кто-нибудь кроме него.

— Скорую! На вторую попыткухватило голоса. Ударил кулаком в дверь, затем дёрнула ручку. Магнитный замок удерживал её. Ещё раз, сильнее. Щёлкнуло в ручке, а не в замке.

Максим встал, когда я потянула ручку третий раз. До двери не дошёл. Наблюдал от стола. Я слышала своё дыхание и ждала, когда он наконец скажет, кому звонить.

— Театральность не поможет, Алина, — сказал он тихо. — Вода?

Стакан я взяла обеими руками, не доверяя одной. Вода оказалась тёплой, с привкусом металла. Проглотила несколько глотков и остановилась: меня мучило. Максим ждал, пока я напьюсь. Даже на это отведённое мне время пришлось соглашаться.

— Отпусти меня, — выдохнула я, ставя стакан обратно. Голос сорвался. — Скажи цену. Сколько стоит моя свобода? Я найду деньги. Займу у кого-нибудь. Продам всё, что есть. Только дай мне уйти.

Он коротко рассмеялся. Я замолчала: это было хуже, чем отказ назвать сумму.

— Деньги? — он покачал головой. — Мне не нужны твои жалкие гроши. Мне нужна собственность. Ты думаешь, это сделка? Нет. Это признание статуса. Посмотри на себя.

Он схватил меня за подбородок — жестко, но не больно — и развернул к большому зеркалу, висевшему на стене напротив окна.

В зеркале особенно хорошо было видно пятно на футболке. Я закрыла его ладонью, потом убрала руку — прятать было поздно. Волосы прилипли к виску, глаза покраснели, подбородок оставался в пальцах Максима. Он мог смотреть на себя сколько угодно. Я в собственном отражении не выдержала и секунды.

— Видишь эту слабость? — прошептал он мне на ухо, его дыхание холодило кожу. — Она принадлежит мне. Теперь.

Дверь резко открылась. Я дёрнулась, высвобождаясь из его хватки.

Полина задержалась в дверях. Взгляд скользнул от моей мокрой футболки к пальцам Максима. Он ещё не успел опустить руку. Полина приоткрыла рот, а я резко отвернулась от зеркала. Кофе, контракт, плач — всё это ей сейчас можно было назвать одним словом, и объяснения ничего бы не изменили.

— Что здесь происходит? — Полина смотрела то на меня, то на его руку. — Почему эта бюджетница находится в твоём кабинете? И почему она выглядит так, будто плакала? Макс, объясни курсу, что ты не занимаешься подобными... вещами?

Полина шагнула в кабинет. Я отодвинулась от зеркала, она проследила взглядом. Пусть думает про слёзы. Только бы не заметила, что запястье я всё ещё растираю.

Максим отпустил меня и отошёл за стол. Поправил манжету. Теперь между нами была мебель, а не его рука на моём подбородке. Полине он отвечал уже из своего кресла; мне пришлось стоять посреди кабинета и слушать, какой удобный смысл он придаст всему, что здесь случилось.

— Полина, ты нарушаешь этикет, вторгаясь в рабочее пространство старосты без приглашения, — холодно произнес он. — Алина Ветрова — новая стажерка по архивированию чертежей. Она переволновалась из-за первого задания. Всё.

Она перевела взгляд на контракт. Максим прикрыл его папкой. Тогда Полина посмотрела мне в лицо, задержалась на мокрых ресницах и медленно улыбнулась. Я поняла, что в коридоре история уже будет другой. Расскажет то, чего не было, а опровергать заставит меня.

— Архивирование, — повторила она, растягивая слово. — Понятно. Не смейся людей, Макс. Они говорят, ты играешь в бога.

Дверь ударилась о косяк. На полке качнулась папка, но не упала. Я дождалась, пока стихнут каблук Полины. Максим тоже слушал. Потом развернулся обратно ко мне.

— Стажерка, — фыркнула я, опираясь спиной о стол. — Оригинально.

— Тебе повезло, что она не полезла глубже, — Максим вернулся к столу. — Но наша игра продолжается. Пункт первый контракта. Читай вслух.

Лист я взяла за угол. Первая строка расплывалась, пришлось поднести ближе. Читать вслух значит дать ему ещё одно доказательство, что я всё поняла.

— «Исполнять любые просьбы старосты курса без права отказа...» — начала я, придерживая лист.

— ...«включая публичные действия, влияющие на репутацию», — закончил за меня Максим. Он склонился над столом, его лицо было совсем близко. — Например, если я попрошу тебя выйти на общий лекторий и признаться, что ты стащила проект Артура Ли, ты сделаешь это. Публично. Чтобы спасти свою шкуру ценой его карьеры.

Меня замутило.

— Это абсурд, — прошептала я. — Артур... он мой друг.

— Был, — поправил Максим. — Теперь ты часть системы. А система требует жертв. Подписывай.

Когда я всё-таки взяла ручку, на бумаге осталось несколько точек. Перо мелко дрожало над моей строкой. Одной подписи на планшете ему было мало. Неровного росчерка здесь тоже хватит, чтобы потом показать всем: вот, она сама согласилась.

— Нет, — выдохнула я. Слово вырвалось само собой. Тихое, но твердое.

Я смотрела, как он отреагирует на «нет». Рука у меня оставалась над бумажной строкой. Можно было бросить ручку. Почему-то не бросила.

Но он не злился.

Он забрал ручку так бережно, словно собирался прекратить. Я даже выдохнула. А он вложил её обратно, закрыл мои пальцы своими и придвинул руку к строке. Попробовала разжать кулак — не получилось.

— Твое «нет» тоже принадлежит мне, Алина, — прошептал он, направляя мою руку к строке для подписи.

Росчерк вышел похожим на подпись, но последнюю букву перечеркнула петля. Максим отпустил руку. На листе его фамилия была ровной, моя съехала вниз. Он вполне мог потом показать их рядом и сказать, что мы договорились.

На бумаге осталась подпись, которую он вывел моей рукой. Я растёрла запястье и запомнила: сама я ему сказала «нет».

— Теперь ты официально моя, — улыбнулся он, убирая контракт в сейф. Щелчок замка прозвучал как выстрел. — С возвращением домой, ассистентка.

При выключенном верхнем свете окно превратилось в зеркало. В нём Максим сидел за столом, а я стояла. До смешного простая разница. Я подтянула рукава и спрятала запястье, которое он только что сжимал, от собственного отражения.

Глава 3

Восемь часов до рассвета. Я ещё считала, сколько листов успею сделать, когда поняла, что он ждёт не расчёта, а согласия.

В ящике больше не было листов. Я проверила ещё раз, провела ладонью по дну, будто чертёж мог спрятаться под металлическим краем. Максим крутил карандаш. Он смотрел на меня, а я на пустой ящик. Восстановить по памяти то, что видела несколько минут, — лучше бы он сразу попросил новый корпус к утру.

— Оригинал уничтожен, Алина, — сказал Максим, положив карандаш у пустого ящика. — Отец считает, что компромат должен исчезать бесследно. Так что ты восстановишь чертежи по памяти. И по фотографиям с телефона. К рассвету. Или твой брат потеряет место в общес- житии навсегда.

Фасад я помнила. Вот здесь галерея, здесь вход. Но где на смазанном снимке заканчи- вается стена, а где начинается перекрытие? Я увеличила фотографию. Изображение рассыпа- лось на квадратики. Максим сказал «к рассвету», и теперь мне предстояло вывести из этих квадратиков размеры, за которые потом будут спрашивать с меня. Спорить хотелось. Начать чертить пришлось раньше.

На первом листе я почти сразу протёрла бумагу ластиком. Отложила его, взяла второй, уменьшила нажим. Сухой грифель цеплялся за поверхность. Через час заболела шея, потом спина; я подкладывала под локоть свёрнутый рукав, не отрываясь от линий. Пока чертила, можно было хотя бы не смотреть на часы.

Я уже второй раз размечала перекрытия, когда вошла Полина. Шла медленно между пар- тами и смотрела на разложенные листы. На чужие. До моего ещё не дошла; я прикрыла его локтем, заранее жалея, что это будет видно.

— Бедняжка, — мурлыкнула она, листая чужие готовые проекты. — Ты всё ещё тут? А Макс уже ушёл домой. Знаешь, он любит, когда вещи находятся на своих местах. А ты... ты как пятно на белом снегу.

Полина подняла термос в кожаном чехле. Крышку почему-то держала рядом, не закру- чивала. Я поняла слишком поздно. Термос выскользнул из её пальцев, жидкость попала на черновик плана этажа. Единственный, где я уже восстановила все стены. Тёмное пятно разо- шлось по размерной цепочке.

— Ой, прости, золотко, — Полина придержала крышку пальцем, чтобы та не укатилась. — У тебя же есть копия? Или нет? Ну, бывает. Ты же бюджетница. Вы всё теряете.

Я начала промокать лист, отгоняя её руку от края. В салфетках оставались кусочки ворса. Не тереть, только прижимать. Я это знала, но пальцы всё равно двигались слишком быстро. Полина стояла над столом и смотрела, какой участок я не успею спасти первым.

Фен. Мне нужен фен, которым в мастерской сушили клееные детали, чтобы хоть немного просушить основу. Я метнулась к преподавательскому столу, где в углу лежал старый прибор. Нажала кнопку. Гудение мотора сменилось треском. Щелчок. Темнота обрушилась мгновенно. Пробки выбило во всем крыле здания.

После хлопка я стояла с феном в руке и продолжала давить на мёртвую кнопку. Зачем — непонятно. В темноте бумага шуршала под сквозняком. Теперь даже подсушить её было нечем. Я поставила фен, чтобы не швырнуть его в стену: чинить ещё и прибор Максим наверняка поручит мне.

Кто-то посветил прямо в лицо. Я закрылась ладонью, потом увидела Артура с фонариком. Он направил луч вниз и протянул грелку в фольге. На неё я посмотрела дольше, чем на него: тепло мне сейчас нужно было даже сильнее объяснений.

— Возьми, — тихо сказал он. — Он ждёт, что ты сломаешься. Не давай ему этого удовольствия.

Я обхватила теплую жестянку руками, чувствуя, как тепло проникает в оочеченевшие пальцы. — Почему ты помогаешь? — спросила я, не выпуская грелку.

Артур повернулся к двери, прежде чем уйти. — Потому что он боится тех, кто может видеть правду. Но и не верь мне до конца, Алина. Никому не верь.

Артур ушёл, не дав мне спросить ещё. Я поставила грелку рядом с бумагами, вернула на неё пальцы. Уходить он мог. Я — нет, и эта разница обижала даже в его помощи.

Максим появился, пока я ждала, что бумага подсохнет. Положил телефон с включённым фонариком у края стола, сел на соседнюю парту. Карандаш забрал с листа. Я проследила за ним взглядом: уже обломанный кончик ещё можно было заточить, нового у меня не было.

— Дай сюда, — приказал он.

Он наклонил телефон ближе к листу, и палец пошёл вдоль восстановленной линии. — Здесь угол неверный. Признак тупого ума. — Эта несущая стена слишком тонкая. Ты хочешь, чтобы здание рухнуло вместе с тобой? — Твои руки дрожат. Страх делает линии кривыми.

Я пыталась смотреть на чертёж, но всё время видела его пальцы у своей руки. Там, где он указывал ошибку, ластик уже оставил серое пятно. Я исправлю толщину стены. Угол тоже исправлю. Только как сделать так, чтобы он замолчал хотя бы на один штрих?

— Заткнись! — выкрикнула я.

Карандаш полетел в стену. Графит оставил длинный черный след на побелке. Я тяжело дышала, грудь вздымалась. — Я ненавижу тебя, — прошептала я. — Ненавижу эту игру. Ненавижу то, как ты смотришь на меня.

Максим замер. Потом медленно повернулся ко мне. В его глазах не было злости. Там было что-то более опасное — интерес. — Наконец-то живая эмоция, — сказал он, и уголок его рта дернулся вверх. — Продолжай рисовать. Гнев делает линии четче. Ты становишься полезнее, когда перестаешь быть жертвой и начинаешь быть зверем.

Максим подобрал карандаш и вложил мне в пальцы. Касание было коротким, я всё равно задержала дыхание. Потом отдернула руку и сильнее сжала карандаш. Сломаю — будет повод остаться ещё на час. Ненавидеть его тоже, оказывается, нужно аккуратно.

За окном посветлело, и фотографии на телефоне стали почти не нужны. Я проверила последние размеры уже при дневном свете. Вернулась к входной группе, исправила один узел. Сдавать страшно, но переделывать дальше я не могла: кисть свело. Собрала листы, положила рядом с его местом. Теперь хотя бы требование «к рассвету» выполнено.

Встала. Подошла к двери. Нажала ручку. Дверь аудитории открылась, но дальше, на выходе с этажа, электронный замок мигал красным. Постучала. Тишина. Под дверью на лестницу проскользнули мои ключи от общежития и сложенный листок. «Ты моя собственность. Собственность не уходит, пока хозяин не разрешит. Жди в коридоре».

Коридор был холодным. Кафельный пол холодил ноги даже сквозь кеды. Я сидела на скамейке, ожидая, когда он откроет дверь или позволит уйти. Через час подошел охранник. Крупный мужик с лицом кирпичной стены. — Пропуск, — буркнул он.

— Я ассистент Волкова, — сказала я, показывая телефон с перепиской. — Меня заперли внутри.

Охранник даже не взглянул на экран. Он достал рацию. — Дежурный, на третьем этаже посторонняя. Девушка. Нет, не выпускать. Ректор распорядился. Пусть спит в подсобке. Воспитательная мера.

«Ректор распорядился». Я запомнила эти два слова. Не самостоятельность охранника, не новая прихоть старосты. Приказ сверху. Показывать переписку человеку с рацией было бесполезно: он спрашивал в неё разрешение не выпустить меня, а задержать.

В подсобке пахло лаком. Охранник запер дверь, я проверила ручку после его ухода. Здесь окна не было. Банки стояли до потолка, лампочка периодически гасла и загоралась. Я выбрала место у стеллажа, убрала пустую коробку и села. Подтянула колени к животу — так меньше хотелось есть.

Тушь забилась под ногти. Попробовала стереть её краем куртки и только размазала по рукаву. Вспомнилось, как дома я берегла эти руки: не хватала горячие крышки, резала картон от себя. Мне ещё чертить. Проекты, с которыми я пришла сюда, никто за меня не сделает. Я расправила пальцы и полезла в рюкзак. Блокнот должен быть где-то под булочкой.

Я достала блокнот. Не проект. Список. Максим. 1. Левый глаз нервно подергивается, когда отец звонит. 2. Боится Полины. Не любит, а боится её влияния на его репутацию. 3. Когда я кричала, он не испугался. Он возбудился от контроля. 4. Он уничтожил оригиналы сам. Зачем? Чтобы проверить мою преданность? Или потому что боится, что я найду ошибку в его «безупречном» проекте?

Четвёртый пункт занял две строки. Я перечитала первые три. Стоило назвать страх Максима словами, и стало немного легче: он тоже реагировал, дёргался, оглядывался на чужое мнение. На звонок отца — особенно. Я подчеркнула это дважды. Может быть, он запирает меня именно потому, что сам не мог уйти. Это ещё предстояло проверить.

Пока дверь закрыта, можно было только наблюдать. Я решила, что при следующем звонке отца посмотрю не на телефон, а на лицо Максима. Неужели его и правда так просто напугать?

Ближе к полудню дверь подсобки открылась. Яркий свет ударил в глаза. Максим стоял в дверях. Я лежала на полу, свернувшись клубком и прижав к груди блокнот. При звуке шагов закрыла глаза: говорить с ним сейчас не было сил.

На его лице мелькнуло странное выражение. Не торжество. Легкая, почти неуловимая тревога. Он подошел ближе. Аккуратно, двумя пальцами, забрал блокнот из моих рук. Я лежала неподвижно и смотрела сквозь ресницы. Он открыл первую страницу. Прочитал мои заметки о его тиках, о страхе перед отцом. Он выдернул первую страницу и разорвал. Обрывки упали у моей щеки. Я едва не потянулась за ними: заметки-то мои. Остальные листы он не тронул.

Он склонился надо мной, и я почувствовала запах его табака и кофе. — Ты думаешь, что видишь меня, — сказал он, и мне пришлось ещё крепче зажмуриться, чтобы не показать, что слушаю. — Но ты смотришь в зеркало, которое я держу.

Максим положил блокнот у выхода и ушёл. Я подождала, затем открыла глаза полностью. Ключки первой страницы лежали на полу; остальные листы были на месте. Он мог разорвать всё. Почему оставил? Я подобрала обрывок с подчеркнутым словом «отец». Значит, вот что ему не понравилось.

Глава 4

Я выбрала угловой столик в столовой: сзади стена, хотя бы за спиной никто не встанет. Поднос был ещё тёплый после мойки. На картошку смотреть не хотелось, хотелось выпить кофе и уйти. Но за соседними столами произносили мою фамилию. Даже если наклониться над чашкой, расслышать можно каждое слово.

«Смотри, она опять в той куртке...» «Бюджетница до мозга костей.» «Пахнет чужим потом и нищетой.»

Полина говорила нарочно громко. Вокруг неё уже стояли подруги; одна повернулась ко мне, чтобы не пропустить реакцию. Палец Полины был направлен на мою ветровку. Я застегнула её утром, потому что в ноябре ходить без куртки холодно. Теперь, оказывается, требовалось извиниться ещё и за погоду.

Я обхватила остывшую чашку. В ней отражалась лампа — круг, который дрожал, хотя стол стоял неподвижно. Значит, руки. Смех раздался совсем рядом, и я сжала чашку сильнее. Кофе выплеснулся на поднос. Поставила её на стол, но пятно уже дошло до края и закапало вниз. Прекрасно. Дала им ещё одну причину.

На подносе ещё плавал круг от лампы. Я смотрела на него, пока перестало трясти пальцы. Надо вытереть стол. Это можно сделать, не отвечая Полине. Пока я думала так, рядом остановился Максим.

— Ты пачкаешь мою собственность. Максим стоял у моего плеча. Я поняла, кого он называет собственностью, раньше, чем подняла голову.

Максим стоял у стола, руки в карманах. Я задрала голову: из этого положения ему было особенно удобно смотреть на меня сверху. Он перевёл взгляд на пролитый кофе и обратно. Стало ясно, что ни слова из услышанного он останавливать не собирается. Пришёл проверить, как я уберу.

— Убери это, или я уберу тебя, — он кивнул на лужицу кофе. Не на меня. На жидкость. Для него я была лишь объектом, инструментом, который должен работать чисто.

Я поднялась слишком резко, пришлось упереться коленом в край стула. У Максима были свободны обе руки. Салфетки тоже лежали рядом. Он мог подать пачку и закончить это представление за секунду. Но ждал, когда полезу за ней сама, на глазах у Полины.

Артур коснулся моего локтя. Я обернулась резко: здесь любое касание уже ждала как толчок. Он держал салфетку, обычную бумажную, без слов о долгах и собственности.

— Держи, — тихо сказал он. В этом слове было столько тепла, что я чуть не заплакала прямо посреди столовой.

Но Полина перехватила момент. Её каблуки простучали по полу, приближаясь к нам.

— Не трогай бродячих собак, Артур, — Полина улыбнулась, будто заботилась о нём. — Они кусаются. И заражают.

Артур удерживал салфетку за уголок. Стоило Полине заговорить, он взглянул на Максима. Тот улыбался. Потом Артур посмотрел на меня и медленно убрал руку. Я так и не успела взять салфетку. Теперь хотелось не плакать, а крикнуть ему: не начинай, если собираешься отступить на полуслове.

Я схватила поднос, развернулась и вышла из столовой, игнорируя хохот, который звучал мне вдогонку.

После лекции я оставила фасад на столе. Студенты собирали сумки и уходили. Я ждала, когда преподаватель дойдёт до моей работы. Сегодня её должны были принять, иначе снова придётся выяснять, имею ли я право на стипендию.

Преподаватель остановился у листа. На воротнике у него было пятно — я заметила его, потому что он наклонился и не смотрел мне в лицо. Зато на дверь оглянулся. Там стоял Максим. Я пододвинула чертёж подальше от края, чтобы преподавателю наконец пришлось смотреть на него.

— Алина, — начал он, и в его голосе было больше сочувствия, чем в словах. — Твоя работа технически сырая. Линии неточные. Материалы не обоснованы.

Сердце ушло в пятки. Это был финальный этап. Ошибка стоила стипендии. Стоила оплаты комнаты и лечения брата. Стоила всего.

— Переделай к утру, — сухо бросил преподаватель, разворачиваясь. — Или лишаешься места в группе.

На листе не появилось ни одного замечания. Я пододвинула его обратно. — Покажите, где неточно. Преподаватель уже шёл к двери. Не обернулся. Значит, ночью мне придётся переделывать ещё и наугад.

Я села за чертёжный стол. Руки дрожали уже меньше. Слезы высохли, оставив на щеках стягивающую пленку. Я достала карандаш. Ночь будет долгой.

В два часа ночи я снова стёрла входную группу. В размерной цепочке не хватало одного участка, и сумма не сходилась. Ластик уже был чёрным; вместо чистой бумаги оставлял полосу. Я перевернула его другой стороной, наклонилась ближе. Сначала сумма. Потом фасад. Думать сразу обо всём было нельзя, иначе опять начинала трястись.

Щелчок двери заставил меня вздрогнуть. Я не обернулась, продолжая вести линию перпендикулярно оси.

Перед листом появились контейнер и стакан. Курица с рисом. Я упёрлась ладонью в край стола, потому что от запаха вдруг закружилась голова. Максим сел рядом. Еду подвинул ко мне, будто острая голодная боль в животе входила в план занятий и теперь настало время её отменить.

— Полина права, — произнёс Максим, скрестив ноги. — Ты выглядела жалко.

Я остановилась. Карандаш завис в миллиметре от бумаги.

— Но жалость — это ресурс, — продолжил он, и в его интонации не было издёвки. Он говорил серьёзно, и это злило ещё больше. — Используй её. Пусть видят твою слабость, пока ты точишь нож.

Я резко повернулась к нему. Ярость, копившаяся весь день, выплеснулась наружу.

— Почему ты позволяешь ей делать это?! — шёпот сорвался на крик. — Ты мой «хозяин»? Или ты просто трус, прячущийся за юбку отца? Зачем тебе эта игра? Зачем ломать людей, которые тебе ничего не сделали?

Максим посмотрел на меня, потом на лист. Я успела обрадоваться: может, сейчас встанет и уйдёт. Но он снова повернулся. Сказать что-то, видно, собирался. Я ждала, сжимая карандаш так, что дерево давило на палец.

— Потому что хаос контролируется лучше порядка, — ответил он наконец. — А ты слишком много думаешь, Алина. Это мешает работе.

Максим забрал карандаш. У меня не было времени сжать его крепче. Наши пальцы столкнулись, и он удержал запястье. Я попробовала потянуть к себе — рука осталась у него. На чертеже недоведённая линия теперь оборвалась посреди узла.

— Ешь, — приказал он. Не просил. Приказывал.

Он держал меня за запястье, а я смотрела, где рукав открывает его кожу. Поймала себя на этом и разозлилась. У нормального человека прикосновение не должно нравиться после такого дня. Или это во мне осталось слишком мало нормального? Я потянула руку на себя, но его пальцы ещё удерживали запястье.

Я выдернула руку. Пальцы болели. Максим не препятствовал. Он просто смотрел, как я хватаю стакан с водой и жадно пью, давясь, потому что горло свело от напряжения. Вода была холодной, отдавала хлоркой, но она смывала вкус его слов.

— Инструменты нельзя ломать, пока они полезны, — пробормотал он себе под нос, вставая. — Спишь три часа. Потом сдаём.

Он ушёл, не закрыв дверь. Я выключила лампу и легла головой на сложенные руки. Три часа он разрешил спать, а я всё ещё слушала, не вернётся ли. От контейнера тянуло курицей. Еду хотелось оставить нетронутой назло ему, но голод был сильнее.

На пути к аудитории я дважды остановилась проверить листы. Все на месте. Размеры сходились. У входной группы больше не было дырки, которую я всю ночь пыталась закрыть. Хотелось предъявить именно её преподавателю: вот, смотрите. Найдите теперь, за что не принять работу.

Полина ждала у входа. Она оглядела меня сверху вниз, задержав взгляд на моих руках. Кончики пальцев были испачканы тушью и графитом, ногти обкусаны до крови.

— Ты даже краситься научилась у мусорщиков, — фыркнула она, поправляя свою безупречную блузку. — Какой ужас. Тебе не стыдно выглядеть как бомжиха?

Курс замер. Все ждали реакции. Ждали слез, оправданий, привычного унижения.

Я посмотрела на свои руки. Потом на Полину. И улыбнулась. Широко, искренне, демонстрируя зубы.

— Это не тушь, Полина, — сказала я громко, так, чтобы слышал каждый. — Это кровь от порезов о бумагу. Твои перчатки слишком тонкие для настоящей работы. А я строю здания, а не декорации для инстаграма.

Полина приоткрыла рот. Ответа я не дождалась, зато услышала смешок за её спиной. Впервые смеялись не надо мной. Полина посмотрела на мои листы, потом на свои чистые ладони и не нашлась с ответом. Я забрала чертежи: сегодня они пойдут преподавателю, а не ей на растерзание.

Проходя мимо Полины, я оглянулась на окно. Максим стоял там и смотрел на меня. Улыбку он не спрятал, но впервые она не заставила меня опустить голову. Чертежи я прижала к груди покрепче. Это сделала я, а не он. Пусть смотрит.

Когда лекция закончилась, он подошёл ко мне в коридоре. Люди расступались, пропуская золотого мальчика. Он положил руку мне на плечо. Тяжесть его ладони обожгла ткань куртки.

— Ты начала играть по моим правилам, — прошептал он мне в ухо, и его дыхание щекотало кожу. — Поздравляю. Теперь ты не просто рабыня. Ты — мой лучший инструмент.

Его пальцы сжались сильнее, почти болезненно.

— И инструменты нельзя ломать... пока они полезны.

Глава 5

Я попробовала поставить точку на полях и промахнулась мимо нужной линии. Карандаш пришлось положить. Сорок часов без сна — вот что значит согласиться «только восстановить чертёж». Ночь на восемь часов работы закончилась, а руки продолжали её: дёргались, словно я всё ещё чертила. Перед защитой даже тетрадь раскрыть нормально не получалось.

В аудитории №402 было холодно. От принтера тянуло свежим тонером, и я смотрела на него с завистью: машина всю ночь работала вместе со мной, а утром хотя бы не должна объяснять профессору, почему у неё дрожат руки. Сегодня защищали эскизы первого модуля. Мне надо было уложиться в три минуты и не испортить то, что уже лежало на бумаге.

Преподаватель архитектуры, профессор Громов, человек с лицом, высеченным из гранита и скуки, ткнул указкой в мою сторону. — Ветрова. Начинай. У тебя три минуты. Не трати время курса своей нервозностью.

Я шагнула к интерактивной доске. Колени предательски подогнулись. Я попыталась опереться на стол, но колено ударилось о металлическую ножку стула. Планшет с распечатанными чертежами выскользнул из моих рук, задев край стола. Он упал с оглушительным хлопком, разлетевшись на страницы.

Листы разъехались под стулья. Пока я собирала их, никто не подвинул даже ножку.

Полина заняла первый ряд. Я видела её лучше всех остальных: светлые волосы, блестящая оправа, локти на парте. Она поправила очки именно тогда, когда я наклонилась за упавшими листами. Сверху ей было удобно смотреть на меня. Я собрала последний чертёж и выпрямилась, не дав ей дожидаться, пока начну оправдываться.

— Бедняжка, — протянула Полина, не вставая с места: ей хотелось, чтобы я отвечала с пола. — Видно же, что бюджетница привыкла жить в хаосе. Может, стоит взять паузу? Или ты боишься, что твои «эскизы» не выдержат критики глаз специалиста?

Курс хихикнул. Кто-то за спиной шепнул: «Смотрите, она сейчас заплачет».

Я сжала лист за край. Сognётся — будет новая причина смеяться. Выпустила его, взяла за угол аккуратнее. Хотелось выложить перед Полиной всю стопку и попросить сделать хотя бы половину за одну ночь. Но я ещё дышала слишком часто для речи. Поэтому улыбнулась. Улыбка вышла неприятная даже на ощупь.

Лицо словно застыло. Я помнила, как нужно улыбаться, но не могла сделать это приветливо. Пусть. Приветливость я сегодня не защищала.

Хихиканье оборвалось. Полина перестала поправлять очки. Я постояла ещё секунду, пока они смотрели на мою улыбку, и с неприятным удовольствием подумала: теперь вам тоже неудобно.

Профессор Громов нахмурился, явно чувствуя неладное, но не подавая виду. — Продолжай, Ветрова.

Я начала с галереи. Показывала, где зелень сможет закрыть бетон, где останутся светлые участки фасада. Эти детали я знала, делала сама. Поэтому, сбиваясь на словах, просто возвращала указатель к чертежу. Лист хотя бы не мог забыть, что я собиралась сказать.

И тут я почувствовала взгляд.

Он исходил из глубины коридора, за стеклянной дверью аудитории. Я не смотрела туда прямо, боковое зрение цеплялось за движение за матовым стеклом. Высокая фигура в тёмном пальто. Максим Волков.

За стеклом стоял Максим. Я узнала пальто и движение плеча, лица толком не видела. Когда остановилась на слове, он чуть наклонил голову. Слышал ли он меня оттуда? Скорее всего, нет. Но сбиться хотелось уже от одного его присутствия.

Максим поднял руку и сделал короткий, резкий жест — указательный палец прижат к губам, а затем он плавно опустил ладонь вниз. Стоп.

Я замолчала на полуслове. Жест был понятен, зачем он его сделал — нет. Подождать? Успокоиться? Или не просить помощи? Объяснять Максим ничего не собирался, а стоять без слов у доски пришлось мне.

Я отвернулась от двери. Если буду разгадывать его жесты, на защиту вообще не останется сил. «Структура», — начала я снова. Мне надо было показать зелёную галерею, потом разрез. Даже если за стеклом он хотел увидеть другое.

В этот момент голос сорвался.

На слове «структура» я не сумела повысить голос. Кто-то попросил повторить, кто-то засмеялся. Я сглотнула и почувствовала, что новый вдох будет таким же коротким. Взялась за край стола. Если сейчас опущу голову, дальше скажут, что плакала на защите.

Я резко остановилась.

Тишина обрушилась на аудиторию с силой взрыва. Оглушающая, звенящая тишина, в которой слышалось только моё собственное прерывистое дыхание и скрип чьего-то стула.

Я не смотрела на профессора. Я не смотрела на курс. Я посмотрела прямо на Полину.

Она сидела, чуть поёрзав на месте, ожидая моего провала. Но когда наши взгляды встретились, я не отвела глаз. Я держала её взгляд так долго, что ей пришлось опустить голову первой. Она смущённо поправила юбку, избегая смотреть на меня.

Полина опустила взгляд первой. Я успела это заметить, прежде чем всё перед глазами снова поплыло. Закончила про разрез, не отвечая на новые шепотки. Листы забрала с доски и пошла к двери, следя за плитками под ногами. Пока они не плывут, я дойду.

Дверь закрылась за мной с глухим щелчком. Коридор был пуст. Только гул вентиляции и запах пыли.

Я побежала. Не бежала — летела, шаркая подошвами к женскому туалету на втором этаже. Там, за белыми кафелевыми стенами, я наконец могла рухнуть.

Я заперла кабинку и сползла по стене на пол. Здесь пахло хлоркой. Прижала рукав ко рту, чтобы не услышали, если начну рыдать. Из всей защиты помнила, как Полина смотрела поверх очков, и злилась: разве ради неё я всю ночь чертила?

Через пять минут я встала. Нужно было умыться. Нужно было выглядеть хотя бы подобием человека, чтобы добраться до общежития.

Я включила кран. Холодная вода ударила в ладони, обжигая кожу. Я поднесла мокрую руку к лицу, пытаюсь смыть пот и страх. Вода стекала по подбородку, капая на рубашку, оставляя темные пятна.

Я подняла глаза на зеркало.

В зеркале под глазами лежали тёмные круги. Я оттянула нижнее веко, посмотрела, отпустила. Ни крема, ни сна. Губа была припухшей там, где я её кусала. Если мама увидит меня такой, придётся врать, что просто простудилась.

Я сжала мокрые ладони, разжала. Вода стекала с запястий на плитку. Попробовала вытереть лицо, но пальцы снова дрогнули, и по подбородку пошли слёзы. Пришлось отвернуться от зеркала: смотреть, как плачу, было хуже, чем плакать.

Рядом журчала вода, но она не заглушала всхлипы. Я попробовала задержать дыхание, потом выдохнуть медленно. Стало только громче. Ногти оставили на ладонях полумесяцы, а горло всё равно не отпускало.

В этот момент в дверном проеме появилась тень.

Я обернулась, заслоняясь мокрой ладонью. Ещё и здесь? Ушла из аудитории, чтобы не отвечать. Сейчас скажу ему всё, кого бы ни принесло.

Но никто не заговорил.

Артур Ли стоял рядом с входом в женский туалет, в общей зоне умывальников. Он держал в руках свой инженерный блокнот, исписанный формулами и схемами. Он увидел меня у раковины через открытую дверь.

От мокрой рубашки холодило спину. Я заслонила лицо ладонью, но Артур уже увидел: плачу. Блокнот оставался у него раскрытым, от этого хотелось отнять его и проверить, не записывает ли он что-то прямо сейчас. Глупость, я знала. Но смотреть на чужую спокойную руку, когда мои дрожали, было невыносимо.

Артур молчал. Я уже приготовила ответ на жалость, потом на насмешку. Ни одна не прозвучала. Пришлось просто стоять под его взглядом, не зная, за что на него злиться.

Артур видел лицо без старательной улыбки. Вот этого я ему не разрешала. Сейчас-то зачем смотреть?

— Что ты уставился?! — я выговорила это почти по слогам, лишь бы он разобрал. — Иди сюда, если хочешь посмотреть! Или ты боишься, что увидишь живого человека вместо своего чертежа?

Артур остался у порога. Я звала его подойти, а сама злилась при одной мысли, что подойдёт. Он посмотрел на мокрые пальцы у моего лица и сунул руку в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.